

КУМИРЫ XX ВЕКА

Европе для потехи королей выводили искусственных карликов. Заделают ребенка в фарфоровый бочонок, и через несколько лет он превращается в толстого низенького уродца. Если такому карлику придать голову Зевса да сделать женские губки бантиком, получится Волошин». Макс внешностью своей гордился: «Семь пудов мужской красоты!» — и одеваться любил экстравагантно. К примеру, по улицам Парижа расхаживал в бархатных штанах до колен, на кидке с капюшоном и плюшевом цилиндре — на него вечно оборачивались прохожие.

Круглый и легкий, как резиновый шар, он «перекачивался» по всему миру: водил верблюжьи караваны по пустыне, клал кирпичи на строительстве антропософского храма в Швейцарии... При пересечении границ у Волошина частенько возникали проблемы: таможенникам его полнота казалась подозрительной, и под его причудливой одеждой вечно искали контрабанду.

Женщины судачили: Макс так мало похож на настоящего мужчину, что его не зазорно позвать с собой в баню, потереть спинку. Он и сам, впрочем, любил пустить слух о своей мужской «безопас-

Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина с сыном Максом. 1878 г.

Отец — Александр Максимович Кириенко-Волошин. 1880 г.

ности». При этом имел бесчисленные романы. Словом, Волошин был самым чудачковатым русским начала XX века. В этом мнении сходились все, за исключением тех, кто знал его мать...

МАТЬ ОРИГИНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Едва выйдя замуж за отца Макса — добродетельного судейского чиновника, недавняя выпускница Института благородных девиц Елена Оттобальдовна Глезер (из обрусевших немцев) принялась кроить жизнь по-своему. Для начала прилепнулась к папиросам, потом обрядилась в мужичью рубаху и шаровары, потом нашла себе мужское увлечение — гимнастику с гириями, а затем уж и вовсе, бросив мужа,

стала жить по-мужски: устроилась на службу в контору Юго-Западной железной дороги. О муже она больше не вспоминала. Разве что лет через двадцать после его смерти, на свадьбе друзей сына — Марины Цветаевой и Сергея Эфрона, — в графе «Свидетели» приходской книги через весь лист подмахнула: «Неутешная вдова коллежского советника Александра Максимовича Кириенко-Волошина».

Понятно, что сына эта удивительная дама воспитывала на свой собственный манер. Недаром она дала ему имя Максимилиан, от латинского *maximus*. Максиму разрешалось все, за исключением двух вещей: есть сверх положенного (и без того толстоват) и быть таким как все. В гувернантки мать наняла Максиму ширковую наездницу:

На волошинской акварели «Луна восходит над заливом» запечатлен профиль на Карадаге